СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
КУПЛЮ
ТВОЮ ЖИЗНЬ
ЕЛЕНА РАХМАНИНА

Пламя

Елена Рахманина

Куплю твою жизнь

«Автор»

2021

Рахманина Е.

Куплю твою жизнь / Е. Рахманина — «Автор», 2021 — (Пламя)

Незнакомец, впившись пальцами в предплечье, удерживает меня на ногах.– Отпусти её. Вздрагиваю от до боли знакомого голоса.Пальцы тут же разжимаются, и я падаю на колени, измотанная страхом и ожиданием.Мой палач изучает меня, словно давно не видел. В его глазах нет ничего кроме ненависти. И желания наказать. Внутри всё скручивается в жгут, натягивается и рвётся.– Убирайся. Вон. Сабуров. Опускается рядом, смотрит с издёвкой.– Сколько теперь стоит твоя жизнь и жизнь твоего ублюдка?Содержит нецензурную брань.

© Рахманина Е., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 13
Глава 5 15
Глава 6 17
Глава 7 19
Глава 8 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Елена Рахманина
Куплю твою жизнь

Глава 1

Окошко в погребе отсутствовало. Но подозревала, что на дворе уже глубокая ночь. Только сон не шёл. Да и где спать? На полках рядом с уцелевшими банками с огурцами?

Прокручивала в голове возможные сценарии. Куда могла деться сестрёнка? Что за мужчина забрал её у тётки? Как отсюда выбраться? А если приедет полиция и меня заберут?

На какой-то короткий промежуток времени мне показалось, что в моей жизни появился человек, которому можно доверять.

– Доверие, – произнесла вслух это малознакомое слово. На вкус оно обманчиво сладкое.

Зажмурила глаза от досады, от собственной глупости. Ведь я росла, как сорняк на всеми забытом огороде. Не верила никому, кроме себя, после предательства матери. С чего я вдруг решила, что хозяин этого «дворца» проявляет ко мне особое отношение?

Разочарование имеет горький оттенок. С солёным привкусом слёз.

Я даже не услышала шагов. Вздрогнула, когда ключ провернулся в замке.

Дверь отворилась, и я увидела Патимат, пытающуюся отыскать меня глазами в темноте погреба.

– Серафима, – зовёт шёпотом.

– Я тут, – тяжело поднимаюсь. Мышцы затекли от долгого нахождения в одной позе.

– Пошли, пока никто не объявился.

Меня не нужно дважды просить. Я следую за женщиной, ведущей вверх по ступеням. На свободу. На свет.

Она оборачивается, проверяя, всё ли со мной в порядке. Удивляясь моему спокойствию. Это явственно читается в её напряжённых глазах.

А из меня будто дух выбили. Эмоций почти нет. Только чёрная ненависть клубится внутри. Обида так сильна, что единственное желание по отношению к Ратмиру – вцепиться в его кадык зубами и вырвать.

Мы наткнулись на охранника. Они обменялись взглядами, и тот кивнул Патимат. Может, преданность и страх перед хозяином дома велики, но ей каким-то образом удалось уговорить его закрыть глаза на происходящее под самым носом. Он и правда на меня не смотрел.

– Времени мало, скоро вернётся сменщик Ахмата, надо торопиться.

Если Патимат так себя ведёт, значит, понимает – помощи от Ратмира уже точно не стоит ждать. Либо от его «помощи» мне станет только хуже.

Она передаёт одежду, в которой я пришла. Спортивные штаны на мне совсем мокрые и отвратительно пахнут уксусом. А ещё я дико хочу в туалет. Никогда не радовалась так тому, что выпила мало воды.

Кое-как приведя себя в порядок, вышла из ванной комнаты. Патимат уже ждала меня с верхней одеждой в руках.

– Спасибо, Патимат, – смотрю ей в глаза. – Я сюда больше не вернусь.

– У тебя ведь что-то серьёзное случилось? – уводит взгляд в сторону. Подслушала. – Я застала ваш разговор с Ратмиром.

Медленно выдыхаю воздух из лёгких.

– Да. Мою сестру забрали от тётки, и я не знаю, кто это был и почему её забрали. Вообще ничего не знаю. У нас с ней нет родителей. Мама бросила обеих.

Я не откровенничала с ней никогда на эту тему. Жалость – самое последнее, что я хотела обнаружить в глазах собеседника.

На её лице сменяется десяток эмоций, и их череда завершается глубокой печалью.

– Я не понимаю, что произошло, Сера. Ратмир уже приехал домой злым как чёрт. Ещё до разговора с Фатимой он находился в ярости. Не знаю, что случилось с ним. Давно его таким не видела.

Морщусь. Совершенно не хочется ничего знать об этом человеке.

– Плевать. Чтоб он в аду горел. Ненавижу.

Сжимаю челюсть.

– Пойдём, я выведу тебя через другой выход. Сквозь главные ворота тебя не пустят, – дождавшись, когда я оденусь, произносит женщина.

Я и не подозревала, что особняк можно покинуть как-то ещё. Дверь, которую Патимат отворила передо мной, оказалась частью забора. Потайной и абсолютно неприметной.

– Это в целях безопасности, – поясняет.

Хмурюсь.

– Чем занимается семейка Сабуровых, если они так боятся за свои шкуры?

Как ни странно, на её лице нет ожидаемого смущения. Или неловкости. Чувствую, что она о многом в курсе. Но не предаст Ратмира.

– Большие деньги не всем приносят счастье.

Я клюю её напоследок в щёку. Она знает, что Ратмир даст ей взбучку. Но всё же пошла против него.

– Спасибо за всё. Ты мой светлый лучик в тёмном царстве, – нахожу в себе силы на улыбку, хотя кажется, что мышцы на лице атрофировались.

Уже порываюсь уйти, как она останавливает меня.

– Серафима, я уверена, что всё образуется и Ратмир поймёт, что был не прав. И жизнь вернётся на круги своя.

Усмехаюсь.

– Нет, не вернётся. Пока, Патимат. Надеюсь, ещё увидимся.

Времени здесь находиться больше не было. Нужно спешить к тётке. Чёрт знает, что ещё взбредёт в голову Сабурову и его мачехе. Не удивлюсь, если после побега по моему следу натравят полицию. Впрочем, он мог давно её вызвать. А значит, что Ратмир сам хочет стать моим судьёй и палачом. Но на этот раз не предоставлю ему такой возможности.

Дождавшись на остановке автобус, запрыгнула внутрь, радуясь теплу. За ночь в погребе продрогла до костей. Заболеть не боялась, у меня отменный иммунитет. Как у дворовой кошки.

До дома тёти Светы я добралась только спустя несколько часов. На машине было бы гораздо быстрее, но она осталась на территории особняка. Надеюсь, мою старушку не тронут.

Все спали. Я стояла у двери и жала непрерывно на звонок, слыша, как по ту сторону раздаётся противная трель.

Ещё одна дверь, открытия которой я ждала.

Растрёпанная тётка в мятой и растянутой ночной сорочке появилась на пороге. Сонно на меня посмотрела и пропустила внутрь. Без лишних слов.

Должно быть, моё состояние слишком очевидно читалось на лице. Но обычно равнодушная к моей судьбе сестра матери засуетилась на кухне, готовя мне бутерброд и растворимый кофе. Есть не хотелось. Но и силы иссякли после бессонной ночи и переживаний. Кое-как затолкала в рот еду и запила сладкой жижей.

– Он не представился, – начала тётя Света, – выглядел интеллигентно, одет дорого. Наверное, бывший Инки, ей такие нравятся. Чтобы за версту деньгами разило.

Уверена, что и тёте Свете от него перепало налички, но задавать этот вопрос не стала. Зная её, она могла позвонить мне уже после того, как отдала Аню в руки чужому человеку. Вот и строит из себя обеспокоенную невинность. Жаль, проверить этого не могу, а то все патлы повыдирала бы.

– Он хотя бы что-то сказал? – нервно спрашиваю. Хотелось потрясти её за ворот халата, чтобы она напрягла память.

– Ни-че-го, – засовывая в рот конфету, ответила тётка.

– А Аня его узнала? – задаю самый главный вопрос, впиваясь в женщину взглядом.

Она квёлая до сих пор, а во мне адреналин шпарит на полную мощность.

Пожимает неопределённо плечами. Думаю, она не сильно интересовалась девочкой, чтобы уметь читать эмоции на её лице.

– Да кто ж его знает. Пошла же с ним.

«Ну да, а что ей оставалось, когда ты, курица, вручила ребёнка незнакомцу». Злюсь.

Больше выведать мне ничего не удалось. Меня тошнило от этой квартиры. Равнодушия родственницы, которая, казалось, испытывает злорадство. Обиду на мою мать за её красоту так и не подавила в себе.

Хотя жизнь тёти вполне вписывалась в среднестатистические рамки. А моя кукушка-мать до сих пор карнавалила. Неизвестно где.

Села на лавочку возле подъезда тётки. Сняла шапку, перебирая её пальцами. Знала, куда нужно идти. Кому бы ни понадобилась Аня, искать её должны были начать в доме дедушки. Но так не хотелось возвращаться туда, где сейчас жил отчим.

Снова автобус с угрюмыми пассажирами. И я самая угрюмая из них. Прислонилась лбом к покрытому инеем стеклу, чтобы чуточку охладиться.

Жизнь в очередной раз рушилась, как карточный домик, в тот момент, когда уже казалось, что всё наладилось.

Меня подташнивало от мысли, что придётся увидеть пропитую рожу одного из избранников матушки. В памяти всплыли сразу все его домогательства, оскорбления, взгляды, преследующие меня с ранней юности. И в этот миг я снова ощутила себя грязной. Испорченной.

Глава 2

Подумала, что с утра наведываться домой бессмысленно. Пусть сначала очухается после попойки. Сомневаюсь, чтобы за время моего отсутствия, его существование хоть сколько-нибудь изменилось.

Села в кафе неподалёку, обдумывая план. Заявлюсь к нему с ребятами со двора, ничего ведь не расскажет. Но так не хотелось соваться туда в одиночку. Только выбора не имелось. Что ж, если застану в квартире его собутыльников, сразу сбегу.

Да. Пожалуй, это единственный вариант.

Знакомый подъезд. Ремонт в хрущёвке сделали недавно. А всё равно запах безнадёжности никуда не испаряется. Кому пришло в голову, что сочетание синего и коричневого удачно? Отвратительный выбор.

Чем выше поднимаюсь по лестнице, тем тяжелее становится. Хочется сбежать. Но усилием воли заставляю себя двигаться вперёд. Ради Анечки. Отчим должен что-то знать. Хоть бы не был в дупель пьяный.

У меня имелись с собой деньги. Надеялась, что он уже потратил на выпивку свою ментовскую пенсию и я смогу его подкупить.

Достала ключи из рюкзака, но, добравшись до лестничной площадки, поняла, что они мне не понадобятся – дверь нараспашку. Огляделась по сторонам с нехорошим предчувствием. Впрочем, куда ещё хуже?

Толкнула дверь и вошла, тут же окунувшись в знакомый зловонный запах. Хотелось задержать дыхание и не дышать, пока не выберусь отсюда.

Из гостиной вывалился отчим. Меня передёрнуло от отвращения. Сжала пальцы в кулаки, не представляя, как выдержу диалог с ним.

– Симочка явилась, – распахивая мне навстречу объятия, заплетающимся языком приветствует. Останавливаю в себе порыв плюнуть в его рожу.

Держусь.

Зайдя, я не закрывала дверь. Подумала, что так безопаснее. Но буквально спустя минуту она отворилась.

– Какие люди, – ядовито приветствует брат отчима. – Молодец, что догадалась составить родне компанию.

Похоже, кто-то решил праздновать Новый год вместе. Сегодня же тридцать первое. Или кого-то выгнали из дома, что больше похоже на правду.

Стою как вкопанная, соображая, что попала в передрягу. Хочется ломануться обратно в подъезд и бежать, пока лёгкие не начнут гореть.

Дядя Коля ходил за новой «дозой». В руках пакет из ближайшего магазина. С бухлом и закусками.

– Вы мне не родня, – огрызаюсь и тут же кусаю себя за язык.

Дядя Коля крупнее отчима, да и уходит в запои не так регулярно. Выглядит румяным добряком. Только от его глаз у меня мороз по коже. Заглянешь в них и понимаешь, что попадаешь в пустоту. По ним очевидно, что ничтожный человечишка, наделённый властью, может возомнить себя Богом. До меня долетали слухи, что, как мент, он превышает полномочия.

Я всегда его откровенно побаивалась и обходила стороной. Больше всего напрягал его интерес ко мне. Слишком явный. Плотоядный.

Хотелось смыть этот липкий взгляд с себя поскорее.

– Дядь Вить, – как можно мягче обращаюсь к отчиму, осторожно поглядывая на его брата, который прошёл в кухню, вытаскивая из пакета продукты, – Аню забрали от тёти. К вам кто-нибудь приходил за ней?

– Ну что ты, Фимка, так с порога начинаешь? Хоть бы уважила нас. Садись за стол, – пока отчим напрягает сгнившие извилины, слово берёт его брат.

Смотрю на него и понимаю – он что-то знает. Зыркает на меня с хитрецой. И не расскажет ведь ничего, пока не сделаю то, о чём просит.

Перебарывая в себе отвращение и брезгливость, прохожу в кухню. Раковина переполнена немытой посудой, полы липкие и грязные. Знаю, что на лице написано омерзение, но контролировать эмоции невероятно трудно. Усаживаюсь на самый край обшарпанного кухонного уголка, не зная, куда деть руки.

Отчим разваливается подле меня. А я замерла не моргая, пробуя не дышать исходящим от него зловонным «ароматом», от которого глаза начинают слезиться. Его брат же отлично видит мою реакцию, но наслаждается моими мучениями.

С того момента, как я съехала в общагу, моя жизнь стала значительно лучше. Но самое странное, сейчас я не понимала, как мне удавалось всё это время выживать рядом с алкоголиком. Всего несколько месяцев другой жизни сделали меня совершенно нетерпимой к его присутствию. К его существованию рядом.

Мне наливают стопку водки. На столе закуски, готовые салаты, вид которых не вызывает доверия. Водку с моей комплекцией после бессонной ночи пить нельзя. Вырубит на раз.

А дядя Коля отлично знает, что выхода у меня нет. Если потребуется, ради Ани я с ними и на брудершафт выпью.

Посматриваю на часы, потом в окно. Зима. Уже снова темнеет.

– Может быть, у вас есть что-то полегче, шампанское, например? – спрашиваю. – Если нет, я могу сбегать. Я водку не пью, дядь Коль.

– Что ты как маленькая? Взрослая ведь девка. Выпей с нами, глядишь, и мы сговорчивее станем.

Ага. Скорее, они ждут, когда я сговорчивей стану. Но я столько не выпью.

Впрочем, отчим, похоже, в таком состоянии, что ему не до меня. В отличие от его брата.

Гляжу на стопку. Не пробовала никогда водку. От одного её запаха воротило. Мерзость. Но вовсе не из-за вкуса пить не хотелось. Я отчаянно боялась потерять контроль в обществе мужчин, которым не доверяю.

Брат отчима не отрывал от меня глаз. Сглотнула слюну, уводя от него взгляд.

Как ребёнок, прячущийся под одеялом от монстра. Не смотрю на него. Не вижу его. Нет его.

Я протянула руку к салату, надеясь на то, что еда в желудке сгладит воздействие крепкого алкоголя на мой разум. Медленно пережевала овощи, сдобренные майонезом. Гадость. После стряпни Патимат есть магазинные салаты совсем не комильфо.

Взяла в руку рюмку, на которой виднелись отпечатки пальцев. И проглотила, зажмурившись.

С одной стороны, она не имела вкуса. С другой, я ощущала её горечь. От резкого глотка на глаза навернулись слёзы, и я сильно закашляла. Брат отчима, забавляясь над моей реакцией, похлопал по спине. Да так, что думала, лёгкие выплюну.

– Ну вот, а ты боялась, – широко улыбается, вручая солёный огурец, – на, закуси.

Я тут же следую его совету, перебивая отвратительное послевкусие.

Его рука ложится на моё плечо, массируя. Я поднимаю к нему полный слёз взгляд загнанного в угол зверька. Ладонь опускается ниже, ощупывая.

– Ты такая красивая девочка. Глаз не оторвать. Мать у тебя тоже красотка, но ты ещё краше, – произносит комплименты, словно я его собутыльница, которую он хочет расположить к себе.

А я смотрю на него, испытывая полное недоумение. На что он рассчитывает?

– Дядь Коль, – горло после кашля дерёт, голос хриплый, тихий, – где Аня?

Немного пришедший в себя от водки отчим поглядывает на нас с интересом. Я ощущаю этот взгляд. Для него всё происходящее как кино, в котором он хочет принять участие. А видя, что рядом брат, знает, что никакое возмездие их не настигнет.

Глава 3

– Да что ты прицепилась к этой девчонке? На хер тебе она сдалась? Даже мать от неё отказалась. А ты как наседка над ней, – морщится дядя Коля.

Забывает, что я такой же брошенный ребёнок. А всё, что у меня осталось, – это Аня.

Скольжу взглядом по кухонному столу. Ножа нет. Предусмотрительная тварь.

Должно быть, он понял, что я ищу. Ухмыляется самодовольно. А я сжимаю вилку пальцами.

Моё терпение держится на ниточке, которая вот-вот оборвётся. По-хорошему с ними не получается никак.

– Она моя единственная родня, – цежу сквозь зубы информацию для тупых, – мне нужно знать, где сестра.

С того момента, как я переступила порог квартиры, ощущение безопасности полностью покинуло. И с каждой минутой становилось всё тревожнее.

– Ну раз она тебе так дорога, нужно заработать информацию о ней, – снова глумливая ухмылка.

Тянет меня за руку в намерении пересадить к себе на колени.

Сопротивляюсь, с ужасом осознавая, насколько наши силы неравны. Он, конечно, не Ратмир, но переломить мой хребет на части ему тоже труда не составит.

Его пальцы, как крапива, жалят мою кожу, пока я вырываюсь из хватки. Сердце бьётся где-то в глотке. Пытаясь от страха сбежать. Почему-то только сейчас становится очевидным, что он не собирался мне ничего рассказывать. Его планы совсем иные.

Но гаже всего оттого, что если я его ударю, то никого не будет волновать, что это была всего лишь необходимая самооборона. Он мент. Для них писаны иные законы.

Я секунду раздумывала, какая жизнь мне кажется краше. Испоганенная его присутствием в моём теле. Осквернённой его прикосновениями. Или за решёткой с кровью мента на руках.

Врезалась вилкой в его предплечье со всей силы. И побежала к входной двери, пока он выл от боли. Отчим наблюдал за нами, но его реакция была настолько запоздалой, что он успел лишь медленно повернуть голову в мою сторону.

Ручка входной двери не поддавалась. Он запер её изнутри. А ключ в замке не оставил. Времени искать ключи нет. Он уже встаёт и направляется ко мне.

Я срываюсь с места и мчусь в свою бывшую спальню, молясь по пути, чтобы щеколда не оказалась сломанной. Когда была тут последний раз предусмотрительно попросила ребят её починить.

Захлопываю дверь и дрожащими руками закрываюсь изнутри.

Озноб, как в лихорадке, сотрясает тело.

А следом удары ногой или плечом по двери.

– Сука! Я доберусь до тебя! Шалава! Шлюха малолетняя! – доносится из коридора голос пьяного мента.

Упираюсь спиной в дверь, надеясь, что так щеколда продержится дольше. Но знаю, что вечность она меня от него не будет спасать.

В заднем кармане нахожу телефон. Зарядка на исходе. Откидываю голову назад, раздумывая, у кого можно попросить помощи. Но лучше сдохну, чем обращусь к Сабурову.

Та́ми. Не знаю почему, но набираю его номер. Я так себе с ним обошлась, но, кажется, после Ратмира он самый отбитый из всех моих знакомых. И вполне способен заявиться в квартиру с пьяным ментом.

Не прошёл и один гудок, как он снимает трубку.

– Серафима?

– Та́ми, у меня неприятности, – захлёбываясь слезами, реву в трубку. Сама не поняла, когда начала плакать, но теперь ощущаю, как задыхаюсь.

– Еду! Где ты?

Заикаясь, называю ему адрес, молясь, чтобы он приехал скорее.

Подозреваю, что времени у меня немного – ровно столько, сколь нужно дяде Коле на перевязку руки. И приём обезболивающего на грудь. Надеюсь, ему очень хреново.

Пока никого нет у двери, поднялась на ноги, оглядываясь.

Комнату почти не посещали. Разве что кровать мятая. Видимо, собутыльники ночевали. Но красть отсюда нечего.

На полках книжки лежат и стоят рамки с нашими с Анечкой фотографиями. И стена с моими медалями и грамотами. Мне некуда было везти их. Как ни странно, их никто не тронул.

Раздаётся резкий толчок в дверь. Первый из многих. Я подбегаю к ней, налегая всем весом, помогая удержать петли на месте. Та́ми я набрала только пару минут назад. Даже на гоночном болиде он не успеет добраться до жопы мира, где я нахожусь.

Я чувствую, как с каждым ударом становится всё страшнее. Дядя Коля не отчим. Я не справлюсь с ним.

Щеколда сдаётся, повиснув на одном несчастном гвозде. Удары закончились. Злой мент врывается в мою комнату и действует так стремительно, что я не успеваю ничего сообразить.

Валит на пыльный ковер лицом. Я пытаюсь подняться, но он сел на мои бёдра. Тянет за джинсы. Но они не поддаются. Скинни так легко не стащить. Нужно расстегнуть пуговицы.

Я не понимаю, как сгруппироваться, чтобы он не добрался до пояса брюк. Необходимо выиграть время. Дождаться подмоги. Только бы Та́ми не обманул. Не подвёл.

Движения заторможенные, словно я попала в канистру с гелем.

Мужчина сжимает мои волосы и переворачивает лицом к себе. Я тут же полосую его ногтями по лицу и шее, за что получаю удар по рту. Нижняя губа лопается, на язык попадает кровь. Нет, он даже не ударить меня хотел, так случайно получилось. Ударил бы – оставил бы без зубов.

Он возбуждён и разъярён. Наваливается на меня, пытаясь справиться с моим замком на брюках. Я ощущаю его рваное дыхание и кислый запах потной кожи. Меня буквально выворачивает наизнанку.

– Я тебя сейчас трахну, сука. И мне за это ни-че-го не будет, – рычит в ухо, пока я пытаюсь отодвинуть его от себя руками, но без толку, – а вот ты можешь и за решётку попасть. Скажу, что напилась и приставала к капитану полиции.

Внутри всё клокочет от ярости. Где-то рядом есть страх. Но он уходит на второй план.

– Я убью тебя, – сиплю, он всей своей тяжестью лежит на моей грудной клетке. Я едва могу сделать вздох. – Найду, где бы ты ни был, и яйца тебе отрежу. Слышишь?

В моих словах столько веры. Знаю, если он осквернит меня, я оставлю эту гниду истекать кровью, а содержимое его мошонки скормлю любимому братцу. И плевать, чем мне придётся за это поплатиться.

До моих ушей доносится, что кто-то барабанит во входную дверь. Да так, что я даже здесь, лёжа на полу, ощущаю, как по ней волна пробегает от удара кулаком. Неужели Та́ми так быстро успел доехать?

Глава 4

Шум не остановил насильника, будто он и не слышал ничего. В ужасе я подумала: а что, если это просто собутыльники рвутся присоединиться к «пиршеству»?

Дяде Коле всё же удалось справиться с застёжкой, и джинсы предательски поползли вниз вместе с бельём. Шок от прикосновения его потной руки к моим половым органам вызвал у меня истерику. Я будто получила контузию, больше ничего не видела и не слышала. Только яростно сопротивлялась. В поле зрение попала его щека. Вцепилась в неё зубами, как бешеная собака.

Он взвыл. Отшатнулся от меня наконец. А я почувствовала во рту вкус его крови. И выплюнула её в его ошалевшую физиономию.

Мент всплеснул рукой. И пока она надвигалась, перед глазами пролетела вся жизнь. Если его кулак попадёт мне в лицо, от меня же ничего не останется.

Фокус смещается. Мир становится чётче. Спустя секунду осознаю, что его кулак завис в воздухе. Он изумлённо оборачивается в намерении увидеть того, кто его остановил. Но уже в следующий миг лоб дяди Коли соприкасается с полом чуть выше моего плеча.

Я слышу, как он выпускает воздух из лёгких. Всё происходит как в замедленной съёмке. Его тяжёлую тушу снимают с меня, и лишь сейчас я вижу того, кто пришёл на помощь.

Лицо Сабурова совсем рядом. Он мазнул по мне взглядом, будто не ради меня сюда заявился. А так, мимо проходил.

В глазах такая тьма, что становится страшно. Там нет эмоций. Там нет жизни. Только жажда крови.

Переворачивает обмякшее тело обезвреженного капитана полиции, сжимает его челюсть и снова ударяет. На этот раз макушкой об пол. Слегка. Помните, как раньше приводили в себя барахлящие телевизоры? Пару раз ударить, и он вновь работает. Так и Ратмир привёл в чувство мужчину.

Я отползла от них подальше, натягивая попутно джинсы. И опасаясь приближаться к нему пока он в таком состоянии. Но оторвать взгляда от разворачивающегося на моих глазах зрелища оказалась не в силах.

Дядя Коля с ужасом взирает на Ратмира. Впрочем, как и я.

Я продолжаю тяжело дышать. От переживаний не хватает воздуха. Кажется, будто задыхаюсь.

Сабуров хочет, чтобы его противник был в сознании. Понимал происходящее. И когда кулак встречается с щекой дяди Коли, раздаётся треск. Челюсти хана. Крик, переходящий в жалобный стон, разносится по комнате.

До меня вдруг доходит, ради чего я сюда притащилась. Мне нужно узнать про Аню. Если Рат его снова ударит, я не уверена, что дядя Коля вообще ещё когда-нибудь сможет говорить. От очередного удара треснуть могут кости черепа. Не ручаюсь, что внутри что-то есть, но вдруг и остатки мозгов вытекут.

Нет, не из добрых побуждений я решила полезть в пекло. Не оттого, что испытывала жалость или сострадание. Упаси боже. Даже близко такие эмоции во мне не зародились.

Наоборот. Внутри растеклось тепло. Согревая меня и успокаивая. Почти как наркотик, оно добралось до головного мозга, побуждая его вырабатывать эндорфины, дофамин и сератонин. Ну и конечно, адреналин никуда не делся.

Вот оно – возмездие. Отмщение. Слаще сахара. Возможно, именно так себя ощущают наркоманы после дозы. Блаженно.

– Ратмир, – слышу свой сиплый голосок, тянусь к нему рукой, останавливая.

Он замирает, переводит на меня бешеный взгляд. Как жаль, что я упустила возможность увидеть его на ринге.

– Мне нужно узнать у него, где сестра. Ты его просто убьёшь.

Какое-то время он обрабатывал эту информацию. Затем опустил кулак, будто перейдя из состояния машины-убийцы в своё обычное. Поправил белую рубашку. Даже странно, что он без галстука. Что он тут вообще забыл?

– Где её сестра? – надавливает на челюсть дяди Коли, причиняя особенно острую боль.

Тот хнычет. Изо рта течёт кровь.

– Не знаю. Клянусь, – отвечает, сильно искажая слова, но я всё же разобрала их.

– Врёшь! – вырывается из меня приглушённый крик, я нависаю над ним, заглядывая в глаза.

Но понимаю – никто не будет врать, когда смерть рядом. А смерть сидит и наблюдает за этим диалогом.

– Нет! Клянусь! – испуганно возражает. – Приходил какой-то мужчина, денег брату предлагал, спрашивал про девчонку, но сам не представился. Ничего не сказал.

Выслушав, я разочарованно отползла к стене, прислонившись к ней спиной и согнув колени. Смотрела в одну точку, понятия не имея, как смогу найти Аню. На руках ни одной зацепки. Идти в полицию? Смешно даже.

На глаза навернулись слёзы от безысходности. Вдруг это какой-то маньяк или педофил? Гнала жуткие предположения, но они назойливо возвращались обратно.

Сабуров оставил дядю Колю, поднялся на ноги и принялся осматривать мою комнату. Попыталась представить, какой он видит её. Его глазами.

Бедность не порок. Но мне становится неловко, стыдно за собственную жизнь. Но разве это моя вина? Будь папа жив, всё сложилось бы совсем иначе.

Подмечает каждую деталь в комнате. Выцветшие, и по углам отодранные обои. Ремонт с доисторических времен. Старая мебель и унылый диван вместо двух кроватей. Нищета.

Он берёт в руки одну из наших с сестрой фотографий. Рассматривает внимательно. Возвращает обратно.

– Она тебе ведь не родная? – раздаётся вопрос.

Не могу понять его. Совершенно.

– У нас мама общая, – отвечаю, а саму накрывает обида. – Но роднее Ани у меня никого нет.

Произношу эти слова, и прорывается плотина рыданий. Навзрыд. От обиды за Аню и за себя.

Осмысление случившегося медленно добирается до сознания. Меня могли изнасиловать. Опять. Потряхивает от этих мыслей. И страха. А ещё непонимания: за что? Почему так со мной?

К моему удивлению, Ратмир опускается рядом.

Осторожно сжимает мой подбородок, рассматривая. С перемазанным чужой кровью лицом выгляжу, должно быть, как Ганнибал Лектер. Не отдавая себе отчёта, провожу языком по ранке на губах, образовавшейся после удара.

Его взгляд тут же перемещается, следя за движением языка.

Что-то есть в нашем с ним поведении общее. Животное. Он смотрит на меня напряжённо, и я ощущаю покалывания тока между нами. На его кулаках кровь моего врага. На моих губах тоже кровь.

– Тебе нужно к врачу, – возвращает с небес на землю.

Морок исчезает. Вспоминаю произошедшее не так давно в подвале. Суток не прошло.

– Руки от меня убери, – цежу сквозь сжатые зубы.

Его губы кривятся в невесёлой улыбке. А мне от неё становится больно. До слёз.

Глава 5

Опускает руку и поднимается.

– Вставай, нам нужно убираться отсюда, – приказ привычным тоном.

Хватаясь за стену, исполняю сказанное.

В комнату входит один из людей Ратмира. Они перебрасываются парой слов на незнакомом языке.

Ратмир кивает в сторону двери, а я стою не двигаясь.

– Что теперь будет?

– Ничего.

Бесит.

– Я хочу знать, что дальше. Суд? Следствие?

Смотрит как-то устало.

– Нет.

Словно разговор ему наскучил, двигается в коридор. Я обгоняю его, преграждая путь.

– Скажи, что дальше! Дядя Коля в полиции работает и так это не спустит мне с рук! – кричу, а голоса нет. Вместо него с уст срывается противный скрежет.

Сама не понимаю, почему что-то требую от него. Отлично знаю, что он ничего мне не должен. Но в его руках власть над моей судьбой. Вдруг он захочет воспользоваться ею? Мне и за это спасение нужно отрабатывать долг? Похоже, одной жизнью не расплачусь…

– Он уже не твоя проблема. Забудь о нём.

Хмурюсь. И всё? Так просто? Сабуров пришёл – и злого дяди больше нет?

Оглядываюсь и вижу ещё одного. Отчим лежит в коридоре без сознания. Либо перепил, либо Ратмир ему помог, сразу после того, как ему открыли дверь.

На моём лице омерзение. И ненависть.

– А с ним что?

– А чего ты ему желаешь? – вопрос демона-искусителя.

Кусаю губы и стону от боли, позабыв про лопнувшую губу. Прикрываю рот рукой, из раны заструилась кровь.

Но мне так страшно было произнести вслух правдивый ответ.

Сдохнуть я ему желаю.

Сабуров читает это в моём взгляде.

Вновь что-то коротко и тихо говорит своему человеку. А затем как ни в чём не бывало смотрит на меня. А я ведь не знаю, что он ему приказал. Только догадываюсь.

Убить? Мороз по коже.

– Ничего не желаю. Пусть гниёт здесь, – запоздало отвечаю, надеясь, что именно этот ответ он примет. А не тот, что увидел в отражении моих зрачков.

Но Сабурова заинтересовали мои эмоции. Их происхождение.

– Он тебе что-то сделал? – щурит взгляд.

Я опускаю веки. Не хочу, чтобы он нашёл ответ на свой вопрос.

Сделал. Испортил мне существование постоянными домогательствами, зародил внутри ощущение испорченности.

Только честно ответить стыдно. Мерзко даже говорить вслух о том, что отчим видел во мне женщину с раннего возраста. Будто я в этом виновата. А не его больной мозг.

Сабуров молчит. К моему удивлению – не пытает.

Поднимаю ресницы и сталкиваюсь с новой его эмоцией. Странной.

– Это мой отчим, – признаюсь сдавленно. Хотелось бы соврать, что меня сюда вообще случайно занесло. И я не имею к этой грязной жизни никакого отношения. Но кто ж поверит, если прописка в паспорте говорит об обратном. – Он нехороший человек.

Кивает.

– Пойдём, Серафима. Скоро сюда приедет полиция.

На этот раз я послушно следую за ним вниз по знакомым лестничным пролётам. Он не дал мне умыться или привести себя в порядок. Даже в зеркало взглянуть. Но подозреваю, что не стоит оставлять в этой квартире следы собственной крови.

Сабуров неожиданно останавливается. Пока шла, погрузившись в свои мысли, даже глаз от ботинок не поднимала. А сейчас едва не врезалась в его спину.

Не понимая, что случилось, озираюсь по сторонам. Двор у моего дома сейчас больше напоминает место сходки криминальных авторитетов. Хотя авторитет, похоже, только один – Сабуров. Это его автомобиль сопровождают два внедорожника. И рядом скромно припаркован седан Та́ми. Видимо, тот большой черный «Мерседес» принадлежал старшему брату.

Я запоздало вспомнила о том, что он должен был появиться.

Он застыл неподалёку от своего автомобиля. Смотрел на Ратмира, как заяц, которого загнали волки. Испуганно и напряжённо.

Затем перевёл взгляд в мою сторону, оценивая причинённый мне ущерб. Представляю, что он решил. Должно быть, что моя разукрашенная физиономия дело рук Сабурова.

Но ещё более ярко я вижу ход мыслей Ратмира. Я сбежала от него к Та́ми. Так он будет думать?

Ну и хрен с ним! Пусть считает, как хочет. Хуже воровки мне уже не стать. То, что он считает меня шлюшкой, в общем-то, не ново.

– Я звонила Тамерлану, просила у него помощи, – всё же зачем-то оправдываюсь в спину Ратмира. Напряжённую.

Он медленно оборачивается ко мне, смеряя взглядом.

Клянусь, мне спокойнее видеть в нём ярость. Так хотя бы понятно, что он живое существо. А сейчас… сейчас я понимаю, насколько он опасный человек. Щёлкнет пальцами – и меня в асфальт закатают.

И всё же… прикусываю язык, но с него срываются слова, которые я едва могу контролировать:

– Спасибо, что помог. Я поеду с ним.

Кажется, он сейчас взорвётся. От моей самоубийственной наглости. Под давлением его взгляда пячусь. И он делает шаг вперёд, пока не нависает надо мной.

– Езжай, – тем же тоном, каким отдавал приказы своим людям, обращается ко мне, – если жаждешь его смерти.

Мои глаза округляются. Он не может ему причинить вред. Та́ми – брат его друга.

– Хочешь проверить? – читает мои мысли.

Мне не понять, что Сабурову нужно от меня. Почему он обращается со мной хуже, чем с животным. Но и с цепи не отпускает. Кормит, поит. Чтобы иметь возможность персонально меня истязать?

– Я ненавижу тебя, – выплёвываю слова сквозь зубы, находя отклик им внутри себя.

Я устала от всего того дерьма, творящегося в моей жизни. Не хочу больше иметь ничего общего с ним.

Только одна проблема – мой долг перед ним не погашен.

Да ещё и шкуру мою спас. Снова. Тьфу. Этот долг деньгами не вернуть.

Но разве мало он повеселился за мой счёт?

Глава 6

От него не сбежать и не спрятаться. Можно даже не пытаться. Это и пугает больше всего.

– Меня не волнует, что испытывают принадлежащие мне вещи. А ты моя. Вещь.

То, как он произносит слова, выдаёт наличие в нём хоть каких-то эмоций. Жизни.

Злость и раздражение на маленькую непокорную девчонку.

Прищуриваюсь. Вот они, вижу их. Чувства. Да, не любовь это, конечно. Не моя безумная влюблённость, которую я ещё не успела в себе умертвить. Но лучше, чем обычный холод каменной статуи.

– Не можешь со мной справиться. Да, Сабуров? Поэтому так бесишься? – тявкаю на него, как чихуахуа на добермана, клацая зубами.

Наблюдаю, как из его ноздрей выходит пар. От мороза. Но ощущение, будто быка разъярила красной тряпкой.

Подходит снова ближе, едва не наступая на носки моих ботинок. Шаг за шагом, пока я не упираюсь спиной в стену подъезда.

– Меня бесит, что ты, маленькая неблагодарная идиотка, появилась в моей жизни. Бесят твои попытки сбежать, улизнуть, продаться другому, – рычит, как разъярённый лев, наклоняясь ниже. Наши носы соприкасаются, но в порыве гнева он не обращает на это внимания.

Из-за его близости значение сказанных слов медленно доходит до сознания. Он так близко, что я почти ощущаю его тёплое дыхание на своей щеке.

Мне хочется вывести его из привычного равновесия. Заставить пойти против собственных убеждений и устоев. А как ещё я, нищая, лишённая силы и влияния девчонка могу ему отомстить?

И совершаю самый дикий, необдуманный поступок в своей жизни. А их за плечами навалом. Решаю, что способна растопить ледяное сердце чудовища.

Он высокий, и я поднимаюсь на цыпочки. Нас разделяет какой-то сантиметр, который я решила преодолеть. Ведь сам он не опустится до поцелуя с девчонкой, просившейся ему на содержание. В обмен на своё тело.

Тыкаюсь в его губы. Они тёплые. Своими окровавленными, перепачканными моей и чужой кровью. Я забыла об этом. Не подумала, что он может отвергнуть меня, испытав отвращение. Это же мерзко – целовать кого-то в крови?

Но не могу остановиться. Рукой провожу по задней поверхности его шеи, притягивая чуть ближе. Потому что это не похоже на поцелуй. На дыхание одним воздухом похоже.

Он не двигается, ошарашенный моим поведением.

Медленно обвожу язычком его нижнюю губу. Мне так сладко, что едва не пищу от восторга. Другой рукой касаюсь небритой щеки.

Во мне всё разрывается от радости. Лопается внутри, как воздушные шарики в газировке. Я столько мечтала об этом моменте, что забываю обо всём на свете.

Но эйфория длится недолго. Он не отвечает.

Просто стоит.

От разочарования хочется заплакать и убежать. Попытка оказалась пыткой и пора опуститься на пятки. Разорвать контакт.

Но моя рука, что мгновение назад касалась его щеки, оказывается сжатой стальными пальцами, стоило мне попробовать её убрать. Он удерживает меня в странном положении. Полуповисшей в воздухе.

– Куда? – хриплый, сдавленный голос, раздражает мой слух, пробуждая желание ластиться об его брюки, как уличная кошка.

А через секунду притягивает к себе, обжигая мои губы поцелуем. Так сильно прижимает к своему телу, что сквозь распахнутую куртку я чувствую пуговички на его жилете.

Мышцы ослабевают. Кажется, что вот-вот упаду. И цепляюсь обеими руками за его шею, повисая на ней.

Во рту вкус крови и его языка, скользящего по моему.

Теперь он контролирует поцелуй. Руководит им. Грубо, стремительно, показывая свою власть надо мной. Превращая меня в абсолютное ничто. Без него.

Желание плавится между ног, и я сама становлюсь податливой, как растопленный мёд. Мягкой. Дающей всё то, что он забирает. А он забирает всё без остатка. Ничего не оставляя.

Его рука, поглаживая поясницу под курткой, добралась до оголившегося кусочка кожи на спине. Пальцы прошлись по позвонкам вверх, задирая кофточку выше. Почти невинные прикосновения заставили меня застонать, выгибая спину, сильнее вдавливаясь в его торс. Словно электрический ток оголённого провода вошёл в тело, пуская разряды по венам. Желание сносило крышу.

Конечно, я и раньше целовалась. Где-то в прошлой жизни. Но Сабуров стёр воспоминания о парнях, пытавшихся возбудить меня своими влажными губами. Оставив только себя.

И сейчас я горю. Как самое яркое пламя, зажжённое им.

Мы отстраняемся, дико глядя друг на друга. Дышим тяжело.

Его рот перепачкан моей кровью, мои губы саднят. Но удовольствие заглушило боль. Наоборот. Я в эйфории.

Стоим посреди двора. На потеху бабкам, для которых я тоже проститутка.

Он потерял контроль. Вот что произошло. Выражение его лица оторопелое. Всё же он не совладал с собой. Хотя мог бы привычно равнодушно оттолкнуть. Сделать вид, что наши отношения ограничены рамками договорённости. Согласно которой я отрабатываю долг. А он учит меня жизни.

Пытаюсь убедить себя, что этот поцелуй ничего не значил. Вру. Ничего более потрясающего я ещё не испытывала. Но это только ради маленькой мести. Вредительство. Мелкое пакостничество. Показать ему, что он не так силён, как ему кажется. Что и в его броне есть бреши. А я знаю куда стрелять.

Я не забуду испытанное унижение. Хочу, чтобы теперь он оказался на моём месте и сгорал от желания.

Но вернуться в привычный образ у него заняло времени гораздо меньше, чем мне понадобилось для нормализации пульса.

Сабуров отодвигает меня от себя. Касается своего рта и видит на пальцах отпечаток крови. Хмурится. Затем оборачивается к охране. Не говорит даже. Кивает. И они тут же подбегают к нам.

Наверняка они видели всю сцену. Не могли не видеть.

– В машину её. И друга её запакуйте, – даёт указание человеку, что держит меня.

Я моргаю, как глупая курица, не в силах поверить, что после испытанного он вновь ведёт себя так. Бесчувственно.

Глава 7

Пока меня тащат одни, я вижу, как другие хватают Та́ми под руки. Он даже не сопротивляется. Понимает, что бесполезно. Вывожу губами: «Прости».

Знала бы, что так всё завершится, не позвонила бы ему. Надо теперь как-то вытащить его из передряги, в которую он попал по моей вине.

Меня бросают на заднее сиденье автомобиля Сабурова. Не ценный груз. Мешок с картошкой.

Адреналин начинает отступать. К эмоциям добавляется смятение и опустошение. А ещё стыд. Неловкость.

Да, он ответил в итоге на поцелуй. Но так… будто нехотя. Заставляя ощутить себя девчонкой, которая вешается на его шею. А мне и без того досталось унижений.

Я-то рассчитывала на иной результат. Что он потеряет голову. Как же. Похоже, она крепко привинчена.

Прилипаю к заднему стеклу автомобиля. Ратмир стоит около той машины, в которую затолкали Та́ми. Что-то объясняет своему верзиле. С тревогой за всем наблюдаю. Куда теперь нас? На заброшенный склад избивать и пытать? По крайней мере, люди Сабурова выглядят так, словно ежедневно накрывают головы врагов хозяина чёрными мешками, а потом по частям перекладывают в другие мешки. Криминал для них обыденность.

Только сам Ратмир на их фоне похож на бизнесмена, которого оторвали от дел. В этом привычном костюме с иголочки, в белой рубашке, заляпанной брызгами крови. Будто так и надо.

Он оборачивается к своему автомобилю и ловит мой взгляд. От которого я вздрагиваю и отворачиваюсь, смирно усаживаясь на сиденье. В его глазах обещание расправы.

Через минуту дверь распахивается, и занимает водительское сидение. Смотрю на него в ожидании. Молчит. Только бросил мимолётный взгляд в зеркало заднего вида. Заводит машину и трогается с места. Следом двигаются его подручные. И тишина.

Перелезаю на переднее сиденье. Хочу видеть его лицо.

– Мне некому было позвонить, – мягко стелю, смотря на него со всей кротостью, на которую способна. Ради Та́ми. – Твоего номера у меня нет. Что мне оставалось, по-твоему?

Умалчиваю, что, даже будь у меня десять его номеров, в жизни бы ему не позвонила.

– Пристегнись, – приказывает.

Вздыхаю и выполняю сказанное.

И как общаться с тем, у кого эмоциональный диапазон как у зубочистки?

Хотя он целуется как бог. У меня трусики до сих пор влажные. Ёрзаю на сиденье. Заталкиваю обратно воспоминания о поцелуе.

Отвернулась от него, уставившись на пролетающий за окном городской пейзаж. Сжалась на кресле, размышляя, как теперь найти Аню. От этих дум стало страшно и грустно. Хоть бы ей ничего не угрожало.

А сегодня ведь Новый год.

Подумала о том, что мы должны были провести этот день вместе. Слеза скатилась по щеке, и я украдкой её вытерла. Всё равно Сабурову плевать на мои чувства. Меня даже не сильно волновало, какую кару за побег он придумает. Потому что, казалось, самое страшное уже произошло. И я не о кошмаре, случившемся в квартире дедушки. А о пропаже сестры.

Как бывает после бурных эмоций, сейчас я скатилась на самое дно. Весь мир представлялся мрачным, враждебным и жутким. А олицетворение всего этого сидело за рулём.

Центр города. Москва яркая, украшенная к праздникам. Сообразила, что вновь окажусь там, куда он всегда привозил меня. Побитой.

Сабуров припарковал автомобиль на подземной стоянке. Обошёл машину, вытащил меня из неё. В груди выросла огромная дыра. Пустота. Только ветер гуляет и гоняет сухие ветки.

Путь мне был знаком, но он, будто опасаясь, что я дёрнусь и сбегу, вёл, положив руку на поясницу.

Не знаю, почувствовал ли он моё эмоциональное состояние, либо что-то иное послужило причиной его поведения. Но… он был на удивление мягок. Хоть и молчалив. Видимо, решил отложить казнь.

Квартира казалась пустой. Тихой и тёмной. Интересно, он оставит меня здесь и уедет праздновать? Грустно будет провести этот день в одиночестве. Губы сами собой обиженно надулись.

Вновь слёзы накатывались на глаза. Устало прислонилась плечом к дверному проёму, наблюдая, как он раздевается.

Пальто вешает в шкаф, под ним костюм-тройка. Что ж ты, сука, такой красивый?

Сабуров поймал мой взгляд. Подошёл ближе, помогая снять куртку. Хотя я даже не прикладывала к этому усилий. Ни сил, ни желания не нашлось. Полная апатия.

– Снимай ботинки, – тихо произносит. Какая-то новая интонация. Он просит? Только поэтому, надавливая носком на пятки, и вылезаю из них.

– Ты давно ела?

Пожимаю плечами.

– До того, как меня бросили в погреб, – едкий ответ.

Рана на губе засохла. Говорить стало больно. Даже не понимаю, как могла с ним целоваться. Ужасно ныло.

Голода не чувствовала. Желудок забыл, что такое еда.

Ратмир привёл меня в ванную комнату и усадил на бортик. Не понимала, чего он хочет. Наблюдала за его движениями словно со стороны.

Сначала он снял жилет, оставшись в рубашке и брюках. Уже чуть больше похож на человека, а не на карательную машину.

– С кем собиралась провести этот день? – смотрит, будто прожигает насквозь.

Чувствую исходящее от него напряжение. Только не понимаю, чем оно вызвано.

– С сестрой, – отвечаю глухо. Глаза на мокром месте. По щеке скатывается слеза. И меня пробивает током, когда Сабуров смахивает её большим пальцем.

Пялюсь на него, не в состоянии переварить этот порыв нежности с его стороны. Частичка моего обиженного сердца предательски подтаивает. Хочется остановить этот процесс, потому что я всё ещё злюсь. Но не в силах с собой совладать. Мои защитные барьеры падают от его близости. Тем более сейчас, когда он вдруг проявляет человечность. Впервые за время нашего общения.

Нет. Конечно, и раньше он спасал мою шкурку. Помогал выкарабкаться из передряг. Но никогда не выражал участия. Держал дистанцию. Будто брезговал находиться от меня ближе, чем на расстоянии вытянутой руки.

Включает кран, смачивает край полотенца и прикладывает к моим губам. Поднимаю к нему ресницы и смотрю снизу вверх, пытаясь разгадать его замысел. А он отвечает мне взглядом, в котором сейчас нет ненависти. Злости и ярости, наблюдаемых мной всего пару часов назад.

Я ведь могла бы сама о себе позаботиться. Обработать побитые губы. Наверное. Сил совсем мало. Но мне нравились его прикосновения. Его внимание. Боялась даже пошевелиться, чтобы не спугнуть этот момент. Вдруг он вспомнит, что испытывает ко мне отвращение.

Оставляет в моей руке полотенце и тянется к крану ванной. А затем закрывает слив. Ванная наполняется тёплой водой. Моргаю, наблюдая за всем. Он выпрямляется и берётся

за край моей кофточки. Почти успевает её задрать до самого белья, но я останавливаю его. Сжимаю ткань и тяну обратно.

– Что ты творишь?

Глава 8

– Помогаю снять твоё тряпьё, – приподнимает бровь в удивлении. С таким видом, будто его поведение нормальное.

– Ну извините, что не в «Гуччи». Я и сама могу раздеться. Спасибо, – злюсь на эту бесцеремонность. Совершенно не соображая, в чём причина такой резкой перемены настроения.

– Разве? – осматривает меня с головы до ног. – Выглядишь так, будто сейчас в обморок грохнешься.

– Не грохнусь, – снова пытаюсь убрать его загребущие руки от себя. Наглая морда. Бортик ванны скользкий, и несмотря на свою браваду, я теряю равновесие и едва не валюсь спиной в воду. Сабуров ловит меня, так что его руки оказываются на обнажённом кусочке талии под одеждой. Прикосновение его ладоней обжигает, заставляя задыхаться.

А он смотрит на меня из-под опущенных ресниц. Тёмных. Боже, даже не замечала, что они у него такие пушистые.

– Может, тебе помочь принять ванну?

Внутри всё переворачивается от тона его голоса и того, как голодно он смотрит. Я так привыкла к тому, что он считает меня пустым местом. Совершенно теряюсь от нового поведения.

– Иди ты, – ершусь. Хмурюсь. Он играет в новую игру, правила которой я пока не знаю?

Хмыкает, отходит.

– Скоро приедет врач. Не усни в ванной.

Провожаю его ошалело.

Никак инопланетяне забрали Сабурова, а это его недостоверная копия?

Нюхаю свою кофточку. Запах, конечно, так себе. После загаженной отчимом квартиры хотелось сжечь всю одежду, в которой там находилась. Казалось, этот запах впитался даже в мою кожу. До самых костей.

Заглядываю в зеркало. Благо их тут полно. Похожа на ведьму. Волосы растрепаны, губы раздуты. Глаза красные, взбудораженные.

Стянула с себя все вещи, оставив валяться на полу ванной. Только трусики постирала и повесила на батарею. Надеюсь, Ратмир не грохнется в обморок, обнаружив что-то не похожее на «Ла Перла» в своей ванной. А мне какое-то время придётся походить голопопой. Пока не высохнут.

Среди дорогих баночек нашла пену, щедро вылила её под кран. Вода начала пузыриться и источать приятный аромат. Осталось только не спутать маску для волос со средством для депиляции.

Погрузилась в пену с головой так, что даже уши залило водой. И смотрела в потолок. Ванна огромная, вода тёплая. Волосы, как у русалки, всплыли на поверхность. Прикрыла веки. Всего на одну минутку.

А уже через мгновение меня достают за шею. Испуганно хватаюсь за руку, что вытянула наверх. Я действительно отключилась.

Кашляю, вода попала в нос. Фыркаю, моргаю испуганно. Как такое случилось, ума не приложу.

– Поднимайся, – мрачно приказывает.

Выражение лица злое. Мне даже спокойнее стало. Привычнее.

Прикрываю грудь руками и встаю на ноги, как новорождённый оленёнок. Коленки дрожат. Мужчина закутывает меня в огромное полотенце и вынимает. Легко, будто вешу полтора килограмма. От брызг воды его одежда промокает. Наблюдаю за ним из-под слипшихся от влаги ресниц.

– Поспала? – голос грубый. Резкий. Раздражённый.

– Угу.

Он что так разозлился оттого, что я отрубилась?

– Врач приехал. Одевайся и выходи.

На полке в ванной оставил какую-то одежду. Женскую. Пижама из шёлка. Тёмно-синего цвета. Он мне снова шмотки своих подстилок предлагает надеть? Сжимаю челюсть до скрежета.

Выбора немного. Либо послушаться его, либо выходить в мокром полотенце. Может, было бы сил больше, из чистого упрямства, назло ему, я бы так и поступила. Но в довершение ко всему ещё и простудиться не хотелось.

Подсушила волосы и нехотя взяла в руки пижаму. Всё пришлось впору. Силюсь припомнить габариты блондинки. Она килограмм на пятнадцать больше меня. Не думаю, чтобы её зад влез бы в эти пижамные брюки. Если только он её не раскормил, а здесь осталась её старая одежда.

Впрочем кто знает этого Сабурова. Может, у него для каждой любовницы в доме приготовлен свой размерный ряд. Хотя он куда больше производит впечатление мужчины, избавляющегося от любовницы сразу после полового акта. Вместе с использованным презервативом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.